

Брайди

Холлингвуд

Октябрь, 1927

Утром, когда петух пропел давно, но колокол на ратуше еще не отбил восемь ударов, Брайди, крепко ухватившись за рифленые ручки овального серебряного подноса, на котором позвякивал завтрак мистера Холлингворта, вышла из кухни и ступила на узкую лестницу. В отличие от особняков на Пятой авеню, где служила ее землячка, перчатки не входили в униформу прислуги Холлингвуда, однако временами Брайди их надевала, дабы не залапать столовое серебро и, стало быть, чистить его пореже.

Завтрак мистера Холлингворта был скуден по сравнению с теми утренними трапезами, что прежде она готовила вместе с Нетти: кровяные колбаски и заварной крем, пончики и оладьи с фруктовым джемом, яйца-пашот, омлет или яичница — глазунья либо обжаренная с обеих сторон, как пожелают хозяин и его четверо детей. Однако то было давно, когда дети были

маленькие, а завтраки в столовой — шумным семейным собранием, знаменующим начало дня, но не нынешней тихой кормежкой развалины, почти не встающей с кровати.

Нынче завтрак мистера Холлингворта состоял из яйца-пашот на гренке, кофе и сливок, которые Брайди собрала с верха бутылки, утром оставленной у дверей ребятами Байфилдами, от отца перенявшими молочный бизнес. Гренок был приготовлен на жаровне, хотя в доме недавно появился электрический тостер, теперь убранный в кладовку, дабы не маячил немым укором. Сара, старшая дочь семейства, привезла его с передвижной выставки домашней утвари в Хартфорде. Но Брайди не доверяла замысловатой штуковине, убежденная, что той не поддурманить гренок как надо, и, главное, опасалась, что дернет током. Почти все свои тридцать пять лет она готовила гренки на жаровне. И зачем изменять привычке, если так наловчилась, что руки сами всё делают? Электрический сепаратор для сливок, прибывший с той же выставки, занял место рядом с тостером; и тот и другой были укутаны покрывалом, защищавшим их от пыли и глаз Сары, случись ей забрести в кладовку.

Электричество Брайди принимала умеренно. Дом электрифицировали без малого двадцать лет назад, вскоре после того, как она сошла с парохода, доставившего ее из западного графства Ирландии, где об электрических лампах не слыхивали, и ничего, слава тебе господи, жили. Конечно, шить и читать так-то оно сподручнее, чем при мигающем пламени свечи. И еще

электрической морозилке Брайди воспевала хвалу. Но американцы считают, что чем больше хорошего, тем лучше. Электрические утюги, швейные машинки и даже зажигалки для сигар — они-то на кой сдались? Хотя вот мистер Таппер, электрик, говорил, что подобные устройства сберегают силы и без них домработнице уже не обойтись.

Внизу звякнул звонок. У двери черного хода. Некстати. Стараясь не накренить поднос, Брайди осторожно развернулась и сошла вниз. Пристроила поднос на стол, накрыла серебряным куполом, сняла перчатки и отворила дверь.

На крыльце, выкрашенном серой краской, стоял мистер Таппер. Будто услышал, как Брайди мысленно охаяла его ремесло.

— Входите, входите! — Она радушно распахнула дверь, словно извиняясь за свое злословье.

Мистер Таппер снял кепку и, войдя в дом, опустил инструментальный ящик на широкие сосновые половицы.

— В моем сегодняшнем списке Кэнфилды стояли первыми, но к ним приехали гости. Поэтому я займусь вашими переключателями, если сейчас вам удобно.

— Чудесно. — Брайди затворила дверь. Нынче воробьи расквохтались, точно куры. Вчера один влетел в приоткрытую дверь и Брайди битый час шугала его из дома.

Когда электрифицировали дом, мистер Холлингворт, как и большинство хозяев, потребовал установить переключатели, позволявшие, лишний раз не вызывая

мистера Таппера, вернуться к газовому освещению, буде электричество окажется лишь преходящим увлечением. Теперь стало ясно, что новшество прижилось, народ всюду пользовался безопасной электроэнергией. А вот переключатели барахлили. В прошлом месяце из-за утечки газа в переключателе вспыхнул дом на Мэйн-стрит. Мистер Таппер был так занят, что очередь к нему растянулась на месяцы.

Нынче его визит выглядел гораздо предпочтительнее, нежели в декабре, — дата была помечена в настенном календаре. Сейчас-то еще октябрь. До праздников далеко, и лучше пережить беспорядок до поры гостей и увеселений. Кроме того, Сара и Эдмунд за границей, а значит, не увидят разгром, который непременно учинит мистер Таппер. Из-за любых перемен в доме Сара нервничала.

Ее дед, губернатор Коннектикута, построил Холлингвуд по собственному проекту, вот почему Брайди никогда не видела таких домов. Самый большой в городе, он был сложен из камней, добытых в местных, ныне уже закрытых каменоломнях. Брайди он казался домом из сказки. Фасады на обе стороны, длинные коридоры, эркеры, несколько входов, террасы и четырехэтажная восьмиугольная башня. Верхние арочные окна были витражные, как в церкви, и Брайди, поднимаясь в башню смести дохлых мух и обмахнуть пыль со старого телескопа, которым никто не пользовался, всякий раз ненадолго прикинула к цветным стеклышкам, любуясь красотой луга и озера в кайме вечнозеленых деревьев, похожих на театральную декорацию.

Брайди предложила мистеру Тапперу чай и еще теплую лепешку, которой электрик, стоя у кухонного стола и стараясь не ронять крошки в бороду, прилежно угостился. Обмакивая лепешку в чай, он извинился за дыру, которую придется проделать в стене. Понадобятся новые обои взамен испорченных. Брайди задумалась, не отменить ли всё. Наверное, следовало посоветоваться с Сарой, но они с Эдмундом в Италии — продолжительным лекционным туром по озерному краю отметили годовщину свадьбы. Семнадцатую. Поженились они летом 1910-го, через год после появления Брайди в Холлингвуде. Неужто столько времени прошло?

Из детей теперь только Сара жила в родном доме. Вскоре после свадьбы они с Эдмундом вернулись в Холлингвуд, когда Сара поняла, что двух миссис Портер в одном доме многовато. Она получила разностороннее образование (политика, живопись, садоводство), но не умела, как говорится, сварить яйцо. Сара всегда искала счастья на стороне — всюду, кроме дома, хотя именно там оно ее ждало.

Вот из-за этого-то, считала Брайди, и страдал Винсент. Она всегда была чутка к мальчику, пытаясь облегчить его боль от материнского невнимания, и ее печалило, что старания ее не увенчались успехом. Но Винсент уже не мальчик. Ему восемнадцать, и как же удачно для него и всех них, что Великая война закончилась и угроза пасть ее жертвой над ним не витала.

Если сейчас мистера Таппера отправить восвояси, вновь он объявится лишь к Рождеству, а это совсем не